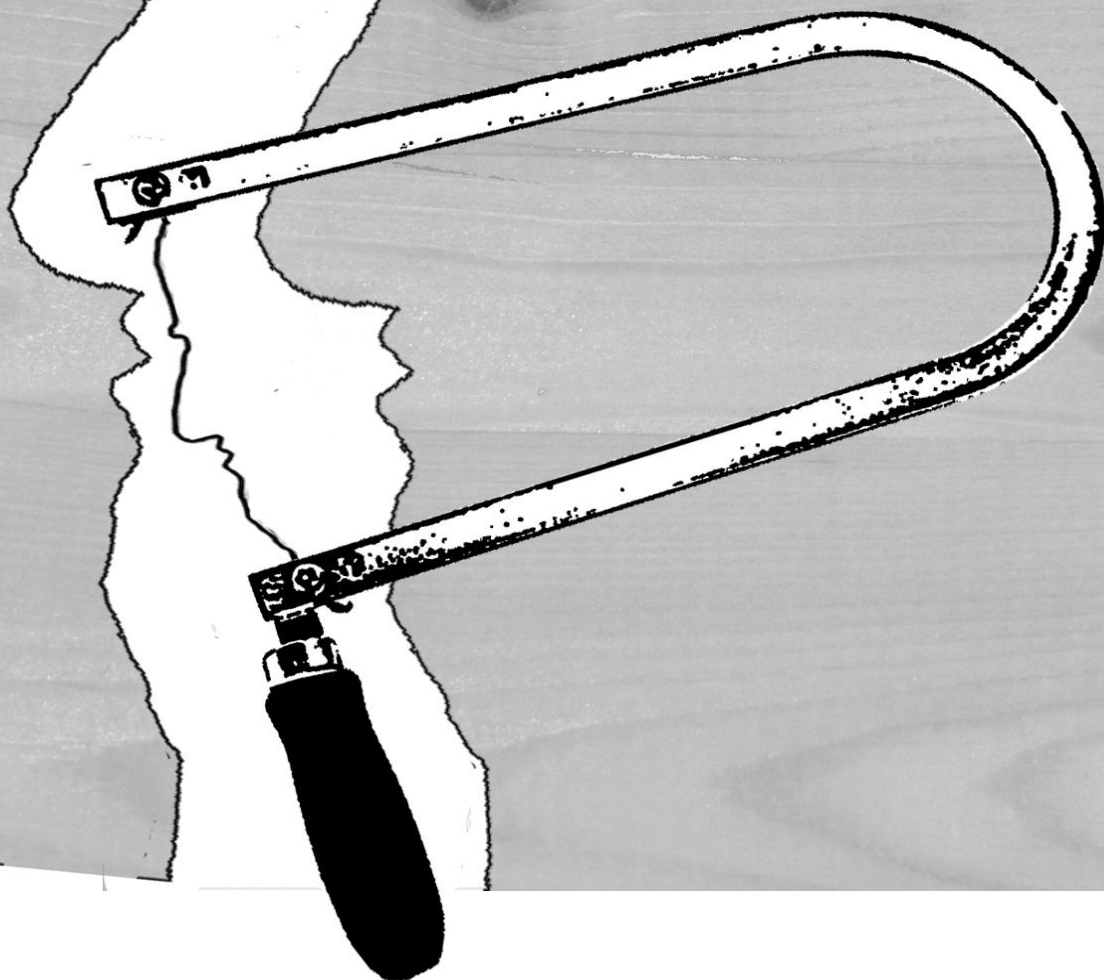

ЛОБЗИК

Семен Грила

Лобзик

«Идущий к самому себе рискует сам с собой встретиться».

Карл Юнг

*A rhizome has no beginning or end; it is always in the middle,
between things.*

Gilles Deleuze

Лекция

Всякая власть обещает порядок. Как только она нарушает этот закон, превращая порядок в хаос, как бы он ни назвался, она смещается любым, кто обещает навести порядок. Таким образом, порядок – самый продаваемый политический товар.

Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на аудиторию. Он думал, что поразил их, но это было не так. Им было все равно.

– На этом всё, – сказал он в тишине. – Вы прослушали лекции, и теперь встретимся на экзамене.

Аудитория ожила, задвигалась и быстро улетучилась. Он сидел и продолжал смотреть в пустой зал. Вот и всё. Ну, он по крайней мере попробовал.

Лектор

Полгода назад он сам навязался читать лекции, хотя выглядело это так, будто он поддался на уговоры. Алпатов – такая у него была фамилия – по образованию был историком, но занимался всегда чем-то практическим. То он писал книги, то работал на выборах, но всегда хотел прочитать лекции.

Особенно теперь, когда технологии приобретали сакральный смысл. Они выглядели в глазах толпы всемогущими, одновременно пугали и завораживали, а в сочетании с криптоденьгами прямо вводили в транс большинство. Люди не знали, что дальше, и шарахались между традициями, устоями и понятиями. Они хотели стабильности, хотели замедлить перемены. И рыли яму между прошлым и будущим. Такой защитный ров от наступающего завтра, опасного, атакующего.

Пётр жалел всех. Но ему было интересно. Он хотел посмотреть на тех, кому от будущего никак не отвертеться, – нынешних студентов, и поэтому согласился. С энтузиазмом прочитал курс про политику и общество. Такой размытый, без границ, но с некими императивами. Противопоставлениями технократов и бюрократов. Системы и Антисистемы.

Он был собой доволен, а слушателями – нет. Вернее, он был в недоумении. Он читал – и они молча слушали. Было тихо. В первый раз. И так же тихо все полгода.

Студентка

Она была молодая и поэтому красивая и умная. Ей нравилось быть студенткой, ей нравилось ходить в универ, ей нравился преподаватель. Ей нравилось все, что он говорил. Она пыталась перехватить его после лекции, но ничего не получалось, он ускользал. Другая бы расстроилась, впала в меланхолию или, пуще

того, в депрессию провалилась, но Клара была не такая. Она напряглась и забыла его. Тем более что семестр закончился. Экзамены принимал другой профессор, это облегчило процесс.

Она стала дружить с Иваном, сыном проректора, так было надежнее. Нет, так было практичнее. Он был хороший, спокойный и никуда не стремился, кроме как в отношениях с ней. Клару это очень устраивало. Он готовил, она ела. Она рассказывала, он слушал. Она выбирала, он платил. Гармоничная пара.

У Клары были простые вкусы, и Иван научился и оливье, и селедку под шубой, и пироги с брусникой, и пельмени, и голубцы. У него все это легко и естественно получалось. Об учебе он не думал, ведь ниже проректора он вряд ли будет, а то и выше, папа еще не старый, много вершин впереди.

Она хотела большего, но ему не говорила. Ну, свадьба и все такое. Зачем сейчас говорить о пустяках. Будущее подождет своей коррекции. Все так мило сейчас. Пусть так и будет.

Смена вех

Алпатова отжали потихоньку из всего. Зачеркнули. Чего-то он где-то написал. В соцсетях. Или с кем-то в разговоре что-то сказал не то. Ну, в общем, как-то все пошло не туда. Он задергался, писал знакомым, звонил, встречался с самыми отзывчивыми. Они объясняли. Сочувствовали.

Большинство же не отвечало ни на звонки, ни на смс. Надо было как-то жить дальше, и он пошел работать на завод. Он когда-то был на практике на хлебозаводе. Вот туда и пошел. Все стало немного по-другому, но в целом понятно. Коллектив был небольшой. Разношерстный. Но крепко сбитый.

Платили мало. Но он был сыт и чем-то занят.

Переехал в другой район. Сменил номер. Закрыв аккаунты в сетях. Растворился.

Чудеса. Почему чудеса? Потому что ему нравилась его новая жизнь. Она была пустая. Но пустая по-настоящему. Предыдущая тоже была пустая, но наполненная, и поэтому обманывающая, иллюзорная. Пустая, но не пустая. А нынешняя была пустая-пустая, и это было очень круто. Осознание. Ты только сам с собой. В общем, он жил и не тужил.

Хлеб

Он предложил некоторые усовершенствования процесса на предприятии. Ничего особенного. Мелкие улучшения процесса подготовки теста и процесса погрузки готовой продукции. Начальство пожало плечами. Тогда он стал подговаривать бригаду попробовать самим, без приказа.

Бригадир позвал его после смены выпить. Они сидели в разливухе, пили.

Михалыч – все бригадиры или Михалычи или Иванычи, замечали? – сказал ему после второй или третьей:

– Ты, Алпатов, завязывай с активностью, это тебе не университет, тут живой народ, у него простые потребности, не придуривайся тут.

Пётр удивился:

– Я вроде бы ничего такого.

– Ну вот и хорошо, – сказал бригадир. – Так и дальше держись.

И они выпили еще.

Лобзик

Он понял слова бригадира правильно и купил себе лобзик. Для создания нового дна своего внутреннего мира – выпиливания лобзиком различных фигурок из фанеры.

Лобзик – это такая как бы пила, но маленькая. Теперь он по вечерам пилил по шаблонам, которые находил в интернете. А для повышения профмастерства смотрел уроки в ютубе. В общем, лобзик помогал.

На работе тоже все успокоились. Он не прогуливал, не ворочал. Устраивало это практически всех.

Ну вот опять

И все было хорошо, но однажды они с Кларой столкнулись в магазине. Ну он-то, понятно, пришел за продуктами. А она-то зачем? Вот мороженого ей вдруг захотелось.

Она узнала его и обрадовалась, и удивилась.

Он был не рад совсем, но под настойчивыми просьбами или требованиями (он не понял) дал ей свой номер. Она быстро убежала. Муж ждал на выходе.

Она исчезла, а он все вспомнил. Кем был, ощущения забытые. Навалилась тоска. Лобзик не пилил. Батоны не укладывались как надо.

Пустота накинута, соблазняя картинками прошлого.

Снова

Клара позвонила. Он ждал. Встретились, сидели, разговаривали. Вспоминали прошлое. Она – свою любовь к нему, он – свою любовь к себе.

Потом встретились опять. Она разузнала, почему все так с ним случилось. Навела справки, как говорится. По ее словам, ничего особенного. Если он покается, его примут обратно – прошло пять лет, и никто ничего уже не помнит, она попросит кое-кого из окружения семьи, и все будет ок.

Он смотрел на нее и уже любил. Она – его шанс, спасительница, заместительница пустоты, наполнительница смыслов. Он ликовал, он готов.

– Ну так что, – смешно улыбаясь, спросила она, – будем делать из тебя опять человека?

– Будем, конечно, будем, – отвечал он. – А как же муж? – вдруг забеспокоился.

– Муж не стенка, отодвинется, – засмеялась она.

Она стала циничной, или они все такие теперь. Он же ее тогда совсем не знал: так, видел ан масс – и всё. А теперь знает.

– Как скажешь, – ответил он.

– Не переживай, я совсем не стерва, но такой уклад не я придумала, поэтому привыкай.

– Постараюсь.

– Старайся как следует, я поручиться за тебя попросила и вернуть привилегии.

Муж

– Давай его уьем, – сказала Клара. Они лежали в его новой квартире, утро было прекрасным, тихим, спешить было некуда, был выходной. – Надоел он мне.

– Ты шутишь.

– Нет, – сказала Клара.

Алпатов ничего не произнес. Потом встал и сказал, что сварит кофе.

– Мне не надо, – сказала Клара.

– Как скажешь, – ответил он. И про себя добавил: она же несерьезно про мужа.

Но оказалось – она серьезно.

– Ты понимаешь, – говорила Клара, – он мешает мне жить, он никакой, а я хочу быть с тобой, вновь взошедшей звездой, хочу холить тебя и лелеять.

Себя ты хочешь холить и лелеять, сказал он про себя. Но мне же так хорошо с ней. И добавил уже вслух:

– Ну нельзя же быть такой кровожадной. И вообще, как ты это все себе представляешь?

–А-а-а! Так в целом с концепцией ты согласен, значит. Отлично, детали придумаем. Ты со мной?

– Ну а куда же я от тебя денусь, – ответил он и стал двигать ее в сторону постели.

– Ух ты какой ненасытный, мне нравится.

– А мне-то как, себя не узнаю.

Стремления

Алпатов думал. Он не мог понять, зачем ей убийство мужа. Безобидный чувак, не мешает никому, не лезет ни во что. Живет какой-то своей жизнью, мечтает, чтобы его никто не трогал, и для этого старается быть максимально незаметным.

Убийств без причины все равно не бывает – назойливая мысль не отпускала. Хочет меня привязать покрепче, так я и так весь ее. Может, Кларе просто скучно, и это способ быть живой.

Смешно получается, думал он, убить – чтобы чувствовать жизнь. Прямо психиатрия на марше.

Ну а мне-то что делать? – продолжал он внутренний монолог. – Я-то как буду с этим жить и как изменятся наши отношения и все другие. Неизвестно, смогу ли я с этим жить. А если не смогу? Что тогда? Опять в пустоту?

Не хотелось, он тащил сейчас крупный заказ, был в кураже, масштаб завораживал и вдохновлял.

Нет, он не хочет обратно в пустоту. Он хочет тут утопать в соплах иллюзий. Жечь глаголом. Выжечь их всех. Глаголом. Ну или чем там еще.

Собственно убийство

Алпатов был в гостях у Клары, был ее день рождения, но его позвали на второй день, отдельно, как близкого друга. Накануне она еще раз проверила, насколько хороша записка, которую Алпатов написал.

Нужна мужская рука, сказала Клара, экспертиза может не углядеть различия почерков, но пол усмотрит точно. Так что давай, вперед. Он написал.

Хорошо сидели, много пили, потом Иван уснул. Они взяли его и перенесли в спальню. Клара разбросала таблетки рядом на тумбочке и на полу. Положила записку. Потом они вышли и уехали в гостиницу. Бешено трахались всю ночь. Потом пили. Это было частью легенды: Иван отравился из-за измены Клары.

Хотя в записке ничего этого не было, кроме обычного: прошу простить и никого не винить.

Свекр

Отец Ивана нанял детективов, они нашли доказательства измен Клары. Он позвал ее, предъявил ей, и она созналась. На его «Как ты могла» она твердо, глядя на него своим ледяным взглядом, ответила: «А вы?»

«Ну ты и тварь», – сказал он. «Вы не лучше», – ответила она. «Убирайся», – сказал он. «Сию минуту», – ответила она.

Пустота

Теперь у Алпатова не было даже его пустоты пустоты. Он не чувствовал даже ее. Он теперь ничего не чувствовал. Он стал механизмом. Серединой. Процессом. Он лишился рефлексии. В теперешнем состоянии он не мог себе ее позволить. И надо признать, это сделало его максимально успешным.

Проекты множились и укрупнялись. Многие великие искали дружбы с ним. Он двигался без остановки и без цели, пытаясь достичь прощения у пустоты.

Клара была счастлива, все ее прихоти удовлетворялись, не было желаний, оставленных без удовлетворения, Алпатов имел деньги на всё. Она была царица, блестящая и холодная, снежная королева. Чего она могла желать? Нечего. Такое странное сочетание: у него – ничего, а у нее – нечего. Такая суперпара.

Возвращение

Он понял как-то, что посередине нельзя. Надо возвращаться к хлебу и лобзику. Как? И он позвонил бывшему свекру Клары. Он, конечно, справился бы и сам, но не мог. Иначе он бы не вернулся. Алпатов назначил ему встречу.

Они были теперь совсем не равны, свекр был польщен. Они сидели в чем-то самом дорогом, и им подавали все самое дорогое, что там было, и Алпатов ему рассказал, как все было, и ответил на вопросы.

– Зачем ты это сделал? – спросил свекр.

– Наверное, любил, – Алпатов пожал плечами.

– Нет, не тогда, сейчас.

– Освобождение, – ответил Алпатов.

– Освобождение, – повторил свекр. – Отсутствие Клары. Наши цели совпадают.

Они доели, допили и выпили потом еще, потом попрощались. Обнялись. И разъехались.

Алпатов

Пустота пустоты снова радовала, хлеб пекся, а лобзик пилил. Был ли счастлив теперь он? Нет, конечно, но он был спокоен, он был на месте, он был свободен. Нет, все это не то. Вот так правильно: он не был посередине. Или нет, опять не так. Алпатов понял, что риск встречи с собой оправдан. Ибо это победа.